

A scenic view of a forest with birch and pine trees, a lake, and mountains in the background. The foreground is filled with tall, golden-brown grasses. The middle ground shows a mix of birch trees with yellowing leaves and dark green pine trees. In the background, a calm blue lake stretches across the landscape, with rolling hills and mountains visible under a clear sky.

Константин Пастух

Чужая свадьба

(Тажные истории)

Константин Пастух

Чужая свадьба

«Автор»

2024

Пастух К.

Чужая свадьба / К. Пастух — «Автор», 2024

Лось нёсся вдогонку, круша всё на своём пути. Но, как только он останавливался, Чалдонка с яростным лаем набрасывался на врага и опять начиналась карусель. В общем, в лощине происходила схватка не на жизнь, а на смерть. А в это время справа от лощины, чуть повыше, на косогоре, метрах в пятидесяти, стояла стройная, тонконогая красавица лосиха и спокойно общипывала сухие сохранившиеся на кустах листики. Общипав один кустик, она как-то деловито подходила к другому. Меня осенило: это же лосиная свадьба!

Содержание

Лесная столовая	5
Чужая свадьба	9
Мужик в валенках	14

Константин Пастух

Чужая свадьба

Лесная столовая

Пришла в Сибирь весна!

Тетеревиный ток образовался на старой вырубке, как раз на том месте, где когда-то столовались лесорубы. Лесная дорога, по которой вывозили спиленную древесину, местами заросла высоким бурьяном, лишь некоторые участки оставались чистыми. На одном из таких участков, где от дороги влево уходила едва заметная в молодом соснячке просека, возникло что-то вроде поляны. На этой поляне в своё время лесорубы соорудили себе стол и скамейки, так сказать, срубили столовую из подручных материалов. В ход пошли и доски, и ящики, и пни. И почему-то тетеревам приглянулось это место – здесь они устроили свой ток. Место и в самом деле симпатичное. На некотором возвышении, в окружении сосенок-подростков, за которыми проглядывались тоненькие белые берёзки. И вот на небольшой поляне вокруг этого самого обеденного стола затевали свои весенние свадьбы тетерева.

Сюда к токовицам на свидание то подлетали, то пешим ходом прибывали невесты-тетёрки. Ток этот, на 72-м километре по Тулунскому тракту, за речушкой с названием Адьба, я, как это чаще всего и бывает, нашёл случайно. Теперь я пытался снять его на видео-

камеру. Он того стоил. На небольшом пятачке собиралось больше десятка токовиков, которые устраивали удивительные представления в живописных естественных декорациях.

Сигнал к началу спектакля подавали азиатские бекасы, которые ещё по темну начинали свои необычные свадебные полёты. В таёжной предрассветной тишине, где-то над головой, в темноте небес раздавался странный звук, напоминающий бляенье барашка. И в какой-то момент ты слышишь, что этот небесный барашек стремительно несётся сверху вниз, прямо на тебя, а его безобидное бляенье каким-то образом превращается в пронзительное звенящее тремоло, напоминающее вой мессершмитта. Это лихие бекасы играют свадьбы. Они с высоты резко сваливаются в пике и на сумасшедшей скорости несутся вниз, издавая своими хвостовыми перьями этот невероятный звук. И только у самой земли ухитряются выйти из падения и круто взмыть вверх – при этом восклицают: «Тэк-тэк-тэк-тэк!» Что они этим хотят сказать, не знаю.

Но знаю – это сигнал для косачей!

Где-то на периферии тока, в кустарнике, раздавалось неуверенное журчанье молодого тетерева, затем вступал народ посolidнее. Серьёзные исполнители вначале пробовали голоса, как и положено артистам перед ответственным выступлением. Раздавалось зычное, с едва заметным присвистом: чуш-ш-ш-и-и... А дальше всё это подхватывалось и несло уже со всех сторон: чуш-ш-ш-и-и! После пробы голосов артисты приступали к исполнению своих партий –бесконечному рондо «в тетеревином стиле».

Задрав хвосты, которые при этом превращались в белоснежные жабо, и приспустив крылья, от чего те стали напоминать фалды фрака, сновали, кружились и подпрыгивали, будто мазурку на балу отплясывали, – бравые краснобровые петухи. Женихи себя демонстрировали, предлагали себя, они просто заходились в страстном бормотании, но при этом были скромны и терпеливы. Белый танец. Дамы приглашают кавалеров.

Мои попытки снять на видео этот спектакль дважды заканчивались неудачей. Оба раза я располагался слишком близко к токовикам – густые заросли вокруг поляны позволяли мне затаиться в нескольких метрах от токующих птиц. Но каждый раз, как только я включал камеру, мои артисты, мои исполнители без спросу покидали съёмочную площадку. Они неспешно уходили, исчезали из поля зрения. То есть не то чтобы совсем исчезали: время от времени они появлялись, чтобы вскоре опять уйти. Что-то их не устраивало – то ли звук работающей камеры слышали, то ли её светящийся глазок замечали. Так что хорошо снять не получалось.

Вообще снимать дикий мир сложно. Убить – намного проще.

Я решил снимать с приличного расстояния, чтобы не пугать птиц, тем более что камера даёт возможность приблизить объект съёмки. Метрах в 25 от центра тока, то есть от стола, в молодых сосенках я просто поставил палатку, но поставил особым манером, можно сказать, в укороченном виде. Палатка моя стояла на одном флагштоке – на переднем. Задняя часть её просто валялась на земле (палатки были ещё старорежимные). Конечно, места в такой палатке было маловато, но в общем расположился я неплохо. Укрытие своё замаскировал сосновыми ветками и стеблями сухой полыни, которая росла тут же, на дороге, и местами образовывала густые непроходимые заросли. Устроился я на пригорке, и обзор для съёмки был просто великолепный. Я нашёл место для съёмки, о котором можно было только мечтать. Погода благоприятствовала: была тихая, безветренная, с морозцем – то, что мне надо.

Было ещё темно, но уже начали появляться первые признаки рассвета. Впереди, чуть внизу, еле угадывалась дорога с тёмными куртинами сухой полыни и серыми продолговатыми лоскутами нерастаявшего снега. Сверху понеслись звуки отважно пикирующих лесных куликов, через некоторое время начали подавать голоса косачи. Один забормотал передо мной метрах в десяти – этот пел прямо на дороге, другой же зачушикал и заголосил, судя по всему, справа, на прогалине. Слева, на обочине дали о себе знать ещё двое. Видимо, они то выходили на дорогу, то уходили с неё. Наконец, подал голос и «главарь». Он появлялся позже других, площадка его располагалась возле самого стола и находилась в центре тока.

Наступило чудное предрассветное время. Чудное – от слова чудится. Чудится, что видишь тетерева, – через некоторое время убеждаешься, что это просто сучок. Кажется, что видишь зверя, притом во всех подробностях: и голову видишь, и туловище, и лапы, так что даже трудно усомниться, а через какое-то мгновение глядишь – обыкновенный выворотень. И только удивляешься, как можно было в этом корневище, в этой коряге зверя увидеть. И тем не менее это время, когда вот-вот всё вдруг волшебным образом проявится, обретёт свои очертания. Чуть задумаешься или заслушаешься – глядь, а уже и светло. Я приготовил камеру и напряжённо вглядывался в сумерки, пытаюсь рассмотреть ближнего ко мне косача, который, казалось, совсем рядом заходился в страстном бормотании.

Нечёткий снующий силуэт тетерева должен был вот-вот проясниться и материализоваться в реальную птицу. Я напряжённо, с нетерпением ждал этого момента.

Но внезапно привычный музыкальный лад птичьего хора нарушил гортанный, полный ужаса сдавленный крик птицы. Послышалось хлопанье крыльев и какая-то возня. Отчаянный птичий крик вызвал в памяти детские воспоминания. Так кричала курица, которая падала с насеста в пороссячью стайку в хлеву. Хлев находился здесь же, в избе, через сени. И надо было нестись стремглав, спасать бедолагу. У бабушки Горпины, которой я доводился внучатым племянником и у которой одно время жил, куриный насест располагался как раз над пороссятами. Другого места в тесном хлеву просто не было, поскольку там стояла ещё и корова. Так что иногда нам удавалось спасти перепуганную, сильно замусоленную курицу, а иногда и нет. Бабушкины свиньи были большими охотницами до курятины.

Что-то происходило на пяточке «главаря». Первая мысль была о том, что дерутся петухи, но неожиданно наступившая тишина принесла с собой какую-то тревогу. Перестали петь птицы. Будто разом всё замерло вокруг, затаилось. И только хлопанье крыльев птицы нарушало воцарившуюся тишину, и казалось оно, хлопанье, бесконечно долгим и совершенно неуместным.

Через какое-то время возня у столика прекратилась, неподалёку в кустах забормотал, но тут же затих, словно устыдившись своей бестактности, молодой тетерев. Ток замолчал... Некоторое время я ещё сидел в надежде, что птицы подадут голоса, – но напрасно. Тетерева покинули свадебное токовище.

Как это и бывает, неожиданно рассвело. Стало понятно, что ничего путного снять уже не получится. Я выбрался из укрытия, собрал свои причиндалы (камеру, раскладной стульчик, фонарик, ружьё) и побрел к машине, которую оставил метрах в двухстах на дороге.

Моя «Нива» стояла с другой стороны тока, так что обратный путь пролегал через место ночного происшествия. Дойдя до столика, я решил осмотреть площадку, где токовал «главарь».

В самом центре пяточка, на чистом вытоптанном месте я нашёл кучу тетеревиных перьев, метрах в трёх-четырёх – ещё одну кучку, несколько поменьше. А дальше образовалась перьевая дорожка, которая вела в густой подлесок. В том месте, где дорожка выходила на нерастающий снег, был хорошо виден лисий след. От следа справа по сыпучей снежной крупе тянулась заметная бороздка, видать, кумушка чертила своей ношей. Всё прояснилось, всё стало понятным. И полный ужаса предсмертный крик, огласивший таёжную округу, и отчаянное, бесконечно долгое хлопанье крыльев где-то совсем рядом на поляне – всё это явилось результатом удачной охоты голодного, а потому и беспощадного хищника. И мне привелось стать свидетелем этой охоты, этой драмы, развернувшейся на лесной поляне.

О чём можно думать, плетясь утром после бессонной ночи по весенней неприбранной тайге?.. Я думал о том, что лиса испортила мне съёмку, и о том, что она устроила себе обеденный стол как раз на том месте, где обедали лесорубы.

Лиса повадилась сюда не впервой, я это заметил сразу, как только пришёл на ток: в зарослях полыни, прямо на дороге валялись разбросанные тетеревиные перья. Ну, в бурьяне – это ладно, подкралась – поймала... Но как попался ей в зубы «главарь» на чистой и ровной площадке? Этого я понять не мог. А впрочем, все мы, мужики, одинаковы: затокуешь, распушишь перья, запоёшь серенаду – и попадётся как миленький на ровном месте.

Чужая свадьба

Наше зимовьё стояло на сопке в сосновом бору...

Охотился я в районе небольшой речушки с характерным в наших краях названием Адьба. Тайга не особо богатая, и достоинство её заключалось в том, что туда было удобно добираться. В самом деле – 70 километров по трассе, затем два часа пешком по тайге до зимовья по сибирским меркам пустяк. А с другой стороны, чего уж Бога гневить – и зверь постоянно держался, и белки бывало в достатке. Конечно, год на год не приходится, но... Белковать можно. Соболев же, надо признать, встречался нечасто. Зимовье стояло за речкой, на сопке, у подножия которой круглый год тихо журчал незамерзающий родник с живой водой. Подниматься от родника к зимовью, тем более тащить ведро воды было трудновато, и мы с напарником набивали на стволы деревьев вдоль тропы жерди, за которые потом брались рукой при подъёме.

Зимой воду из родника использовали только для готовки, а для мытья топили на печке в ведрах снег. Благо вокруг его было много – и весь он белый, чистый, слегка начинённый хвоинками сосны, словно сдобная выпечка изюмом. Печка в избе стояла большая, из железной бочки. Вернее, из её половины. Превращение бочки в печку дело нехитрое. Вначале эта самая половина, обычно нижняя, отделяется от верхней с помощью двух топоров: один топор режет металл, а другой стучит по нему – а поскольку бить приходится со всей мочи, то желательно иметь и запасной топор, потому что обух «битого» часто даёт трещину.

Затем уже отделённая нижняя часть бочки переворачивается днищем вверх, и в днище тем же манером делается отверстие для трубы. И, наконец, внизу вырубается отверстие для закладки дров. Остаётся приладить хоть какую-то дверцу или заслонку – вот и вся технология. Такая печь хороша тем, что зимой на ночь можно набросать в неё толстых чурок листвяка, которые будут долго гореть, и подольше поспать, не подбрасывая. Ещё на неё можно поставить сразу несколько вёдер со снегом – места хватает. С вечера загрузишь – а утром у тебя два ведра тёплой, очень мягкой, с плавающими хвоинками воды. Какая роскошь!

Интерьер зимовья без затей, можно сказать, под стать печке. Под потолком вокруг трубы висят на проволоке жерди для просушки одежды. Внизу вокруг печки – квадратный короб в одну доску, пространство между ним и печкой заполнено золой – от греха подальше. За печкой широкие нары – зимовьё просторное, позволяет. Входная дверь изнутри обита войлоком и шерстяным одеялом. Слева от двери на подставке ведро с питьевой водой, прикрытое фанеркой. На гвозде – железная кружка. Дальше на стене, немного повыше, прибита затейливая сухая ветка с торчащими вверх обрезанными особым манером короткими сучками. Это наш канделябр. При необходимости в избе можно добавить света – свечи всегда имелись в наличии. На боковой стене небольшое окно, возле которого примостился грубо сколоченный стол. У стола – постоянно падающая скамейка, всё руки не доходили довести до ума. В торце стола, справа – засиженная до блеска толстая чурка вместо табуретки. Керосиновая лампа то на подоконнике, то на столе. По стенам набиты гвозди, на которых висят ружья, одежда, рюкзаки и всякая всячина. На тех же стенах, под потолком – немудрёные, основательно загруженные полки.

Красоты мало, но жить можно. Почему-то в молодости не было желания нормально обустроиться – всё это придёт, но позже. Правда, внутри зимовье обито светло-коричневым тарным картоном – мой напарник не поленился притащить с работы целый рулон. Иван работал на Братском лесопромышленном комплексе, где этот самый картон в те годы и выпускался. Над нарами, на противоположной от входа стене, куда мы ложились головой, – небольшая аккуратная полочка. На ней хранятся шахматы, транзистор – какая-никакая, всё же цивилизация, там же находятся простые, но необходимые лекарства и бутылка спирта. Пониже полочки, у самого изголовья, рядом с нарами на картонке надпись: «Большое спасибо хозяевам! Обсушился, обогрелся, переночевал. Попользовался сухими дровами. Извините! В зимовье дровишек занёс. Всего вам хорошего. Анатолий». Надпись с годами выцветала, теряла свою чёткость, но продолжала греть душу... Видать, хороший человек в трудный час нашёл приют в нашей избе и не забыл сказать слова благодарности.

А красота – она на улице. Особенно ночью, зимой. Выскочишь по малой нужде в валенках на босу ногу, в нижнем белье. Стоишь, продрогнешь, надо бы уже и в тепло возвращаться, но что-то держит. Не можешь оторваться от этой неземной красоты. И ночная заснеженная тайга – какая-то незнакомая, загадочная в голубом лунном свете, и необыкновенно яркие звёзды во всё небо, прямо над головой, и погружённые в дрему вековые сосны, и верная стража их сна и покоя: суровые, литые листвяки – всё это чарует, манит и никак не отпускает.

Зимовьё стояло в сосновом бору, и когда-то здесь жили вздымщики, которые заготавливали живицу. От них нам бочки и достались. Вздымщики давно отсюда убрались, и даже дорога, по которой они уехали, сильно заросла и стала совсем непроезжей. Теперь хозяйничали здесь мы с Иваном. Охотился я с лайкой – крупным кобелём черной масти с белой грудью и

таким же белым животом по кличке Чалдон. Чалдонка был верным, преданным псом. Дети дома катались на нём верхом, и что бы они ни вытворяли, он никогда не позволил себе выразить ни малейшего недовольствия.

Уходя в тайгу, я брал отпуск. Так поступали все охотники, которые подписывали договор со зверпромхозом на промысел. Иван же в каждый отпуск ездил к матери на Орловщину, в деревню Поныри. Ночи зимой в тайге длинные, так что я всё знал и про Поныри, где шли во время войны страшные бои – не слабее, чем у Прохоровки (так утверждал Иван), и про всю его многочисленную родню. Как, впрочем, и он знал не меньше моего и о моей деревне, и о моих родственниках. В договоре на промысел Иван был вписан как напарник (по технике безопасности одного в тайгу не отпускали). Конечно, какую-то часть своего продолжительного северного отпуска Иван выкраивал на тайгу, но этого было мало и наступало время, когда он появлялся в зимовье только в выходные. Что ни говори, а были и свои плюсы в том, что охотничий участок находился в относительной близости от города.

Мой напарник привозил свежий хлеб – какой же он всё-таки вкусный, свежий хлеб! Сухари надоедают, а лепёшки стряпать я не хотел. Я Ивана ждал и даже ходил его встречать к Тулунскому тракту. Он приезжал обычно в пятницу к вечеру. Я забирал у него часть поклажи – и мы уже в сумерках отправлялись к зимовью. Идти по тайге даже в сумерках, но по протоптанному следу, который отчётливо темнеет на снегу, да ещё и вдвоём, делясь новостями, куда веселее, чем плестись одному. Мы это никогда с Иваном не обсуждали, но какие-то вещи понятны и без разговоров. Чалдонка встречал Ивана с неподобающим его возрасту и статусу щенячьим восторгом. Иногда мне казалось, что он напарника любит больше, чем меня, и я даже немного обижался на своего четвероногого друга. Но, как оказалось, зря.

В один из выходных я, как обычно, встретил Ивана и на другой день с утра ушёл на тракт и уехал в город помыться. В те времена водители лесовозов охотно брали на трассе попутчиков – всё веселее, да и знали – охотник из тайги выходит. А к охотнику всегда уважение. Расспрашивали, как сезон, делились новостями, услышанными от других охотников. Иногда, остановившись и открыв дверцу кабины, могли пошутить: «Что, смерти ищешь? Ну тогда садись». И в самом деле, в это время – вторая половина октября, ноябрь – трасса для тяжело гружённых лесовозов сложна и опасна.

Когда я уходил, то попросил Ивана отвлечь Чалдонку, чтобы тот за мной не увязался. Я ушёл незаметно для пса. Чалдон вёл себя спокойно, но наотрез отказался идти с Иваном охотиться. Он всё ждал меня у зимовья, а к вечеру, не дождавшись, побежал по моему следу на Тулунку. И так он бегал всю ночь. Об этом рассказал Иван, когда я вернулся из города. Правду сказать, мы оба были удивлены поведением собаки, ведь к Ивану пёс относился очень хорошо – мы это знали. Но ещё я знал, что Чалдонка был беззаветно предан своему хозяину и его близким. Он был трудяга, но с годами проявилась проблема. Мой верный помощник потерял интерес к белке – стал облаивать несколько штук в день и считал, что этого достаточно. Себе на перекус. С крупными кобелями восточносибирской лайки такое случается довольно часто.

Чалдон был зверовОй собакой. Белка его уже мало интересовала. Его интересовал сохатый, изюбрь – вот тут его охотничья страсть проявлялась в полной мере. Как-то мы с ним сошли с привычного маршрута – ушли в противоположную от Тулунского тракта сторону, где раньше охотиться не приходилось. Прошли сосновые боры, прошли спелый осинник, впереди весело и дружно забелели стволами берёзки. Мы вышли в березняк, разбавленный мощными осинами и небольшими ёлочками. Где-то впереди залаял Чалдонка. Лай был еле слышен. Что-то прихватил, но далеко. Я отправился на поиски. Через какое-то время лай стал слышен отчётливо, и я понял: лает он не на белку. Всегда можно понять, на кого лает твоя собака. Иду на голос – и понимаю: лает на зверя. Зарядил пули. Никак, Чалдонка с медведем схватился. Дело было по чернотропу – и мишка ещё не лёг.

И в самом деле, когда я подошёл, мне показалось, что внизу, в лощинке Чалдон носится за медведем, а медведь – за ним. В общем, носятся друг за другом – и ор стоит сумасшедший. Яростный лай, фыркание, храп, какое-то бурчание и фукание, тяжёлый топот, треск кустов и непонятное мелькание среди этих кустов. В следующий момент я увидел, что мой пёс воюет с сохатым. Мощный рогатый красавец напал на кобеля и пытался его затоптать, делал отчаянные попытки поднять на рога, при этом громко фыркал и что-то угрожающе бормотал.

Чалдон заходил в яростном лае, увёртывался и тут же налетал на обидчика, пытаясь его цапнуть. Он носился с лаем вокруг лося, и тому приходилось крутиться на одном месте, поворачиваясь постоянно головой к собаке. Когда лосю надоедала эта карусель, он бросался на пса. Чалдон, понимая, что дело нешуточное, со всех ног пускался наутёк. Лось нёсся вдогонку, круша всё на своём пути. Но, как только он останавливался, Чалдонка с яростным лаем набрасывался на врага и опять начиналась карусель. В общем, в лощине происходила схватка не на жизнь, а на смерть. А в это время справа от лощины, чуть повыше, на косогоре, метрах в пятидесяти, стояла стройная, тонконогая красавица лосиха и спокойно общипывала сухие сохранившиеся на кустах листики. Общипав один кустик, она как-то деловито подходила к другому. Меня осенило: это же лосиная свадьба!

Всё происходящее казалось просто невероятным. Ведь весь сыр-бор – из-за неё, из-за невесты. Из-за неё самец-лось схватился с собакой, рискуя своей рогатой головой. А иначе просто пустился бы наутёк. И она ведь слышит этот яростный собачий лай, видит всё, что там происходит, – и хоть бы что! Пощипывает себе листочки, и никакого дела ей нет до происходящего рядом светопрествления. Почему, в конце концов, не испугалась? Почему не убегает? Почему так хладнокровно относится к судьбе избранника? Сколько раз возникали у меня в тайге эти самые «почему»! Сколько же тайн, сколько нам неведомого хранит в себе природа! Хранит тайга!

Видя, что я не стреляю, Чалдонка подбежал, уставился на меня своими умными собачьими глазами, в которых отражалось непонимание и вопросы: «Что происходит? Стрелять-то кто будет? Пушкин?» Что я ему мог ответить? Собаке, даже такой умной, как Чалдон, не объяснишь, что у лосей тоже бывают свадьбы. А мы с ним на лосиной свадьбе оказались незваные гости. И напал он сейчас не на кого-нибудь, а на жениха – а тот защищал невесту. Свадьба у них! Тут если и стрелять – то в воздух. Салютовать! Что я и сделал.

Брачующиеся дружно дали дёру. Чалдонка после выстрела бросился вдогонку за сохатым. Он, судя по всему, так ничего и не понял. Правда, погоня его закончилась безрезультатно.

татно, на этот раз остановить зверя ему не удалось. Больше того, с тех пор Чалдонка ни разу не задержал зверя до моего подхода. Он находил, лаял, но подойти на выстрел мне не удавалось. Как только я приближался, Чалдон бросал сохатого и подбегал ко мне. Видимо, издали слышал мои шаги. Сохатый тем временем спокойно уходил. Чалдон опять догонял, но теперь лай раздавался далеко. Я иногда ещё пытался подойти, но чаще и не пробовал, всё равно бесполезно.

Знакомые охотники меня корили, что собаку испортил. Зверовая лайка в Сибири ценится. Сам же я никогда не сожалел о случившемся, разве что перед Чалдонкой виноват. Но в жизни всегда приходится выбирать. Не на облаке живём – на земле грешной. Я не раз в тайге добывал зверя, приносил мясо, особенно в девяностые, когда ни мне, ни жене не платили зарплату и жить приходилось тайгой.

Но этот случай в моей памяти стоит особняком. Он мне дорог как трофей особого качества и хранится не на стенке в прихожей, а в памяти и в моей душе, и является для меня самого свидетельством моей искренней верности и привязанности к удивительному чуду природы, сибирской Тайге

Мужик в валенках

Издалека, где-то впереди, слева, доносился собачий лай. Лаяла Азуня. Я это знал. Конечно, едва слышимый голос собаки, пусть даже своей, точно определить невозможно, но просто других собак здесь не было. С момента, когда я впервые услышал лай, прошло уже немало времени. Я всё ждал выстрела, но его не было. То ли собака далеко ушла от Валеры и он пока не дошёл до места, то ли зверёк крепко затаился и брательник наматывает круги вокруг дерева, пытаюсь высмотреть затаившуюся белку.

Вообще в таких случаях сподручнее охотиться вдвоём. Один отходит подальше от дерева, на которое лает собака, а другой стучит обухом топора по стволу – без топора промысловик по тайге не ходит. Белка после удара обязательно побежит по дереву, пытаюсь забраться повыше, полетит вниз посорка. Собака услышит, а то и увидит зверька, и навзрыд зайдётся в лае, а охотник, который отошёл подальше от дерева, засечёт добычу. Но мы с братом разошлись. Когда утром вышли из зимовья, мне пришла в голову мысль:

– Валер, знаешь, что мы с тобой сейчас сделаем?

– Излагай, Ефимыч, я тебя внимательно... – с готовностью и вместе с тем солидно отзывается брательник. Он всегда разговаривает солидно, если не матерится.

Брат с некоторых пор стал называть меня по отчеству. Почему так – я не спрашивал. Я старше него на пять лет. Но, думаю, дело было не в этом. Просто так ему хотелось. Валера

работал на БЛПК в погрузочно-разгрузочном цехе, где грузили вагоны с лесом и всякой всячиной. Работал грузчиком. Платили им хорошо, но и работка не позавидуешь. И в дождь, и в снег, и в лютые морозы прыгать по вагонам согласится не каждый. Валера как раз был верховой. Так случилось, что у него неожиданно образовался отпуск, с которым он не знал что делать.

Я же в это время собрался в тайгу, и он попросился со мной. Так мой брательник стал моим напарником.

– Ты пойдёшь с Азуней вот так, прямо на восток, – я показываю брату направление. – Справа у тебя будет распадок, слева – старая лесная дорога, по которой вздымщики вывозили живицу.

Я двумя пальцами набрасываю на снегу план местности.

– Вот тебе два ориентира, всё время имей их в виду. Аза будет носиться, где ей вздумается, а тебе придётся подходить к ней на лай. Так что будешь выходить и за дорогу, и за распадок. Но обязательно возвращайся к ориентирам по своим следам. Азуню пока возьми на поводок, чтобы не увязалась за мной.

Я вытащил из кармашка рюкзака поводок с ошейником, отдал Валере.

– Ясен пень. Дорогу я, конечно, знаю, ходил по ней. Распадок, мне кажется, тоже знаю.

Брат некоторое время рассматривает мою топографию и уверенно изрекает:

– Разберусь. А сам ты куда думаешь?

– А я ломанусь вправо, за хребет, там есть два распадка, где постоянно держится сохатый. Пойду поищу. Снежок-то свеженький – вон как навалило, и след будет свеженький, если найду.

– Ефимыч, слушай, а может, лучше с собакой? – Валера подозвал Азуню, стал надевать на неё ошейник.

– Помощница, работница, – ласково приговаривает он и всё поглядывает на меня, будто чего-то ждёт. Я вижу – ему хочется со мной на зверя.

Я его понимаю, хотя сам идти искать сохатого особого желания не испытываю. Но вроде бы необходимость такая возникла. Я заметил, что продукты просто тают на глазах. Было понятно – на сезон не хватит. Отправляясь в тайгу, я не учёл отменного аппетита брата, при том что был он худой и костлявый. Здесь, уже в тайге, я вспомнил постоянные шуточки на эту тему его жены Веры. Но было поздно. В тайге гастрономов нет. Конечно, брату я ничего не говорил, но понимал: надо этот вопрос решать.

– Да понимаешь, Валер, в этот раз наша помощница нам совсем не помощница. Сохатого она держит плохо, а если по правде, то совсем не держит. Гонит. Молодая ещё, глупая. Да и тявкает по-дурачки: как-то нервно, визгливо. Лось этого не любит. Уходит.

Валера молчит. Возникает пауза.

– Да она нам его так угонит, что потом и с собаками не найдём, – я шуткой пытаюсь разрядить ситуацию.

– Ладно, пошли, подружка, – Валера треплет сухой мозолистой ладонью пышную лаячью холку, поднимается, поправляет лямки рюкзака. – Не берёт нас начальник, а мы что... Мы народ подневольный.

Валера шутит. Это хорошо.

– Теперь вот ещё что: дойдёте до вырубки – тормознитесь. Я тоже туда подойду часа через три. Если, конечно, ничего такого не задержит. Думаю, ничего не задержит, буду вовремя. Ну, а если помощь понадобится, сам приду за вами. Не сомневайся. Ты это, не забудь снять ошейник, как будешь отпускать с поводка, – уже уходя, напоминаю я брату.

Я отправляюсь по своему маршруту, Валера с Азуней – по своему.

Несколько часов я добросовестно месил снег по косогорам да распадкам. Ни зверя, ни следов его не нашёл. Да этого и следовало ожидать – этой ночью был первый настоящий снегопад. За ночь в природе произошли большие перемены: всё вокруг занесло снегом, резко побелело. Тайга притихла, затаилась. Новизна пугает зверя. Тем не менее я подстрелил двух рябчиков и теперь возвращался обратно. Вернее, направлялся туда, где я предполагал встретить брата.

Наконец громыхнул долгожданный выстрел. Собака замолчала. Всё в порядке. Валера и Азунька вместе – работают. Через полчаса я уже был на вырубке, куда должен подойти и Валера. Судя по лаю и выстрелу, двигаются они в правильном направлении. Придётся подождать. Решил пройтись по вырубке, посмотреть, может, чего и надыбаю. Закашивают на лесосеку и лоси, и изюбры, и козы. Зайцы, те вообще здесь прописались, о чём свидетельствуют повсеместно обглоданные добела осиновые ветки – и те, которые торчат из собранных лесорубами куч, и те, которые просто валяются на земле. Не забывает вырубку и лиса, и соболь навдывается. Эти за мышами, которые плодятся на лесосеках ударными темпами. У каждого здесь свой интерес. Но, сколько я ни бродил, сколько ни присматривался, никаких следов не заметил. Везде ровная, никем не тронутая, никем не порушенная белоснежная целина. В конце концов я выхожу на середину деляны, нахожу подходящий пенёк. Пора отдохнуть. Снимаю рюкзак и не спеша принимаюсь устраивать себе сиденье. Смахиваю снежную шапку с приглянувшегося пня и накрываю его клапаном рюкзака. Затем снимаю с шеи тёплый мохеровый шарф и аккуратно выкладываю его сверху. Теперь можно садиться и ждать. Что я и делаю.

Редкие снежинки всё летят с неба, будто вдогонку ночному снегопаду, и тихо ложатся на землю. В природе царят умиротворение и покой. Я сижу на возвышенности, и большая часть деляны лежит передо мной как на ладони. Вырубка раскинулась на длинном, довольно пологом косогоре с севера на юг. Берёт она своё начало от старой лесной дороги, по которой когда-то химлесхозовцы вывозили живицу, и тянется вниз, где упирается в узкую полосу леса, нарочно оставленную лесорубами в качестве семенника. За семенной полоской проглядывает неглубокий распадок, поросший кустарником, берёзой да осинкой. Слева от вырубki так же, с севера на юг, тянется ещё одна, довольно широкая семенная полоса, за которой проглядывает точно такая же вырубка.

Я сижу спиной к дороге, лицом к распадку. Отдыхаю, расслабленно окидываю взглядом хорошо известный пейзаж. В какой-то момент так же расслабленно, с ленцой начинаю шарить в рюкзаке и вытаскиваю свистульку с язычком. Это манок на лису. Продул его, почистил от приставших крошек и пёрышек (манок простецкий, особого ухода не требует) и, приставив к губам, кричу раненым зайцем. Через некоторое время повторяю этот тоскливый, заунывный звук ещё несколько раз. Тоскливый, потому что очень напоминает плач ребёнка. И когда после заката в вечерних сумерках вдруг донесётся из леса голос плачущего младенца, то

невольно внутри что-то сжимается, хоть и знаешь, что кричит заяц. Иногда на этот тревожный крик можно выманить лису. Я сижу на виду, не прячусь, так что убить осторожного зверя шансов нет, но увидеть рыжую красавицу, понаблюдать за ней и этим развлечься, это вполне реально. Я уже проделывал подобные штуки.

Прошло минут пять – я ещё несколько раз подудел. После этого сижу тихо, выдерживаю паузу. В это время снизу, от распадка доносится довольно громкий хруст. Будто сухую ветку кто сломал. Я стал приглядываться к месту, откуда раздался подозрительный звук. Очень осторожная, аккуратная лиса так не ходит. Что-то там другое. Но, как я ни вглядываюсь, ничего необычного не замечаю. Промелькнуло в голове: может, Азунька несётся по распадку и сейчас я её увижу? Чувствую, расплылся в радостной улыбке. Успел соскучиться. Но никакой Азуньки нет. Никто ко мне не бежит, никто на меня не прыгает, не пытается лизнуть. Больше того, где-то справа, вниз по распадку, неподалёку раздался собачий лай. Лает моя собака. А вскоре и выстрел раздаётся.

Я понимаю, что там, внизу, была не Азунька, она не могла быть одновременно и тут, и там. Я обшарил взглядом всю полоску леса за вырубкой. И косогор за распадком снизу доверху очень внимательно проверил. Ничего подозрительного не нашёл. В конце концов, всё это мне надоело, я плюнул на эту мелочь и забыл. Просто сижу и отдыхаю. В какой-то момент обращаю внимание, что манок всё ещё у меня в руке. Подношу его к губам, и опять раздаётся тоскливый звук: у-а, у-а, у-а... Но закончить фразу у меня не получилось.

Из распадка вынырнула и понеслась ко мне во всю прыть на этот раз уже точно моя Азуня. Всё как всегда. Прыжки, неуёмное желание забраться на меня верхом, а уж передними лапами – так это в обязательном порядке, и, конечно, лизнуть меня – обязательно в лицо и желательнее в губы. И как бы я ни увертывался, ни отталкивал чересчур радостную подружку, всё равно она ухитряется всего истоптать и облизать. Мне же ничего другого не остаётся, как отплёвываться да утираться.

– Так его, так... Облизывай его, чтобы знал... – Валера довольно похохатывает и медленно вразвалочку идёт к нам. Он вышел на вырубку в том же месте, что и собака, немного справа. Видать, шёл по её следу.

– Ефимыч, ну и как там дела за хребтом? Есть лось? – первым делом спрашивает Валера.

– Да, наверное, есть.

– Так ты следы хотя бы видел? – продолжает допытываться брат.

– Следов не видел. Видать, залёг наш сохатый, не ходит. Морозца ждёт.

– Так что, напрасно ходил? Только ноги набил?

– Да почему напрасно? Двух рябчиков принёс, – я открываю боковой кармашек рюкзака, достаю рябчика, приглаживаю ему пёрышки, прячу головку под крылышко и аккуратно засовываю в кармашек, туда, где был.

– Тоже хлеб, – философски изрекает брательник.

– А у вас как успехи, что добыли? – спрашиваю я.

– Три белки.

Первую-то она нашла, недалеко от зимовья, – принялся рассказывать Валера. – А за второй пришлось мне попотеть. Утащила за распадок, к чёрту на кулички. Еле нашёл её. Возвращался уже по своим следам. Ну а третью – недалеко отсюда, возле самого распадка, на лиственнице взяли.

– А скажи мне, Валер, перед тем как облаять третью белку, Азунька не пропадала у тебя из глаз на какое-то время?

– Да вроде нет, как раз на глазах была, рядом мелькала. А ты почему спрашиваешь?

– Да, понимаешь, я тут от нечего делать, пока ждал вас, взялся манить лису. В общем, сидел, дудел, развлекался. А в какой-то момент внизу, прямо передо мной, вон там, где-то в полосе, а может, в распадке, услышал очень подозрительный треск. Будто кто сухую ветку сломал. Понимаешь? Я подумал, может, это Аза там носится. Потому что на лису не похоже, она дама осторожная и аккуратная. Но штука в том, что сразу после этого хруста как раз и залаяла Азуня. То есть собака в это время была с тобой и, как ты говоришь, никуда не отлучалась. Понимаешь? Кто тогда?

– Так, может, это мужик? – высказал догадку Валера.

– Какой ещё мужик? – я не понял, что он имеет в виду.

– Да мужик в валенках, который шёл по распадку. Там следы его, я только сейчас их видел. Следы свежие, видать, шёл недавно. Туда пошёл, – Валера рукой показывает, в каком

направлении пошёл мужик. Я понял, что брат не шутит и по распадку кто-то и в самом деле ходил. Мне эта новость не очень понравилась. Какой-то мужик шастает у меня на участке, а я ничего не знаю.

– Подожди, так этот мужик, он как шёл? Один или с собаками? – вопрос не праздный, и он меня сильно заинтересовал.

Если мужик шёл с собаками, это одно дело. Сосед случайно забрёл на мой участок. Это случается, и со мной бывало. А если шёл без собак? Тогда спрашивается, что он тут делал? Мог, конечно, по какой-то надобности идти через мой участок. Может, что случилось. Но, во-первых, шёл он не в сторону тракта, а в противоположную. Во-вторых, когда я выходил на вырубку, то пересекал этот самый распадок и следов никаких там не было. Значит, мужик проходил позже и, судя по всему, как раз в тот момент, когда я дудел в манок. Получается, что он меня слышал и видел. Не мог не видеть. Я там как на выставке сидел. Но он не подошёл. Непонятно. Мне это не нравилось.

– Да вроде шёл без собак. Следов собачьих я не заметил. А так-то кто его знает, может, они где-то носятся, – брат засомневался, он не мог ответить определённо.

– Ладно, Валер, пошли посмотреть следы твоего мужика, – я поднимаюсь, собираю свои манатки. Валера уходит, не дожидаясь меня. Я собрался, надел рюкзак и только начал спускаться по склону, как брат снизу закричал:

– Ефимыч, да он, мужик этот, прямо сюда выходил. Вот следы его! Валера стоит на самом краю нижней семенной полосы, возле самой вырубки, и показывает рукой вниз.

То, что я услышал, было уж совсем непонятным... Даже как-то не верилось. В самом деле, какой-то мужик шёл по распадку, потом направился ко мне, несомненно, видел меня, но не подошёл. Почему? Что это значит? И всё это происходило, можно сказать, только что. Я даже невольно бросаю взгляд на боковую семенную полосу, по которой можно незаметно подняться к лесной дороге.

– А здесь он, видимо, стоял, – продолжает показывать брат.

– Ты там аккуратнее, не топчись по следам, рядом ходи, – я решил на всякий случай предупредить брата, сам же прибавляю ходу.

– Прости, Ефимыч, виноват. Уже затоптал немного, – доносится в ответ.

Когда я подошёл к месту, то увидел, что следы и в самом деле частично затоптаны, но тем не менее картина была в общем ясная. Сказанное Валерой подтвердилось. Мужик шёл по распадку с правой стороны, как и Валера с Азуней, но прошёл он дальше и где-то примерно напротив середины вырубки круто повернул налево и пошёл в мою сторону. Дальше шёл по лесополосе и, не дойдя нескольких метров до её конца, остановился. Судя по всему, он стоял в лесочке и какое-то время за мной наблюдал. Обалдеть!..

– Да тут, брат, оказывается, наблюдали за мной. Вот он стоял за кустом, смотрел в мою сторону. Следил за мной, что ли? Дальше, видишь, не пошёл. Чего-то ему, видать, надо было. Может, музыка моя ему понравилась? А, Валер, как думаешь? – я шутил, но в то же время старался найти хоть какую-то логику в происходящем – и не находил. Это напрягало.

– А чего гадать, давай догоним да спросим. Как ты на это? – то ли в шутку, то ли всерьёз предложил брат. Скорее всего, не шутит. Есть люди, которым скучно жить без приключений. Валера был из таких. Он говорил всегда солидно, но поступал солидно не всегда. Предпочитал решать спорные вопросы с помощью кулака. Видимо, для того чтобы они, вопросы эти, решались успешнее, дома на стене у него висела подшивка газет, которую он регулярно молотил кулаками, при этом время от времени отрывал от подшивки одну газету, дабы она становилась тоньше, а значит, твёрже. А началось это много лет назад. Как-то ещё во времена своей учёбы в институте приехал я на каникулы домой в родное село. Бабушка моя Мария Ивановна тут же стала делиться своими печальями и заботами:

– Никого мне так не жаль, как телёнка и Валерку.

– А почему вам так жалко телёнка, ба? – спрашиваю её.

– Да как же не пожалеть? Целый день в хлеву стоит непоеный. Ревёт, воды просит. А я уже не могу из колодца воды принести, здоровья совсем нету.

– А девчонки-то почему не напоят, почему воды не наносят? – задаю логичный вопрос.

– А девчонки выросли, всё в клуб норовят убежать, им разве до телёнка, – печально вздыхает бабушка.

– А Валерку почему вам жалко, ба? – спрашиваю.

– Так ты же знаешь, он пошёл в ремесленное, на токаря учится. В городе теперь. А там одни бандиты. А Валерка наш, он же с гонором. Не уступит никому. Вот и ходит всё время в синяках. Весь побитый, – рассказывает бабушка и с надеждой смотрит на меня. Ждёт, что я решу её печали и проблемы.

Конечно, с телёнком я мог помочь бабушке. Для младших сестёр-двойняшек я был авторитет. И простого разговора будет достаточно, чтобы решить проблему телёнка. Что же касается Валериных неприятностей, то я для его окружения авторитетом не являлся и вряд ли мог ему помочь. Так что решать свои проблемы ему предстояло самому. И, как принято было в его ПТУ, решать приходилось с помощью кулаков. Вот и пришлось ему учиться не только токарному делу, но и кулаками махать. Родители в это время жили в Крыму. Отца пригласили туда работать, мать уехала за ним, чего бабушка очень не одобряла. Видать, с тех пор и осталась у брательника привычка решать проблемы известным способом.

У меня не было желания ни догонять, ни спрашивать неизвестного прохожего. Да в тайге с этим шутить и не стоит. Были печальные примеры. Я их знал. Последний меня сильно задел. Дело было этой весной. Я пришёл домой на обед. На лестничной площадке стоял сын моего соседа Николаича. Мы поздоровались.

– Что, нет отца? – спрашиваю.

– Да где-то ходит, подожду. Не знаете, где он может быть?

– А к Василичу не заходил, не спрашивал?

Пряатель его жил этажом ниже.

– Да звонил, никто не отвечает. Тоже, видать, где-то ходит.

– Может, к нам зайдёшь, чего тут будешь стоять? Придёт, мы услышим, – предложил я.

– Да нет, спасибо, подожду немного и, наверное, побегу. Мне ещё в аэропорт успеть на рейс надо. Вот везу в Иркутск в лабораторию голову брата, – он показал мне взглядом на сумку, которую держал в руке и которую чуть приподнял при последних словах.

– Да ты что! Что случилось?!
Он меня просто ошаршил.

Оба сына Николаича работали парашютистами в лесопожарной охране. Вышли на пенсию очень рано. Один, с которым я сейчас разговаривал, жил и работал в Иркутске. Другой остался в Братске и охотился по договору. Угодья у него обширные, тайга богатая. Забрасывали его туда на вертолёт, по-моему, из Усть-Кута, где он и подписывал договор. Иногда они охотились там с женой, иногда он один. Были у него и техника, и несколько избушек. Охотился он в районе речки с ласковым названием Мама. Всё это я знал от Николаича, с которым мы корешили. Сыновей же его я знал мало. При встрече здоровались, могли перекинуться несколькими фразами.

С младшим сыном один раз случился разговор об их коллеге и руководителе подразделения парашютистов Василии Чернове. Василий был моим хорошим знакомым. Мы общались семьями. Василий сделал для меня хорошее дело: снабдил географическими картами, которых в то время было не достать и на которых стоял штамп «секретно». Ничего там, в этих картах, секретного не было, сегодня они продаются в каждом газетном киоске, но тогда... Так жили. Сам Василий был человеком удивительным. Тихий, скромный, невысокого роста, но при этом очень успешно руководил своими лихими парашютистами. Его уважали.

Вот и всё моё знакомство с сыновьями Николаича. Но теперь его старший почему-то взялся мне рассказывать. Видимо, ему надо было поговорить, излить свою печаль, свою беду.

Младший брат его в прошлом году подписал со зверпромхозом договор на сдачу сига – это кроме пушнины. И у него на этой почве возник конфликт с местными из посёлка, которые именно в его угодьях на реке ловили этого самого сига всю свою жизнь. Он же пытался им запретить лов, мотивируя тем, что у него договор и план. Конфликт всё обострялся. Пошли угрозы. И он сгорел в зимовье. Сосед по участку услышал вой голодных собак. Понял: что-то случилось. Пошёл выяснять. Теперь старший брат, который на пепелище нашёл его череп, вёз его в Иркутск, чтобы определить, как он сгорел. Живой или мёртвый. Может, убили, а потом сожгли? Чтобы спрятать концы в воду. Вот такая печальная история. Тайга не шутка.

Так что предложение Валеры догнать и спросить мужика в валенках меня не сильно привлекло. Но главное, я увидел то, что меня очень заинтриговало.

– Нет, брат, навряд ли мы его догоним, – я разговариваю с Валерой, а сам в это время пытаюсь разгадать ребус.

– Это почему? Далеко он не ушёл! Поднажмём и догоним, – Валера готов пуститься в погоню хоть сейчас.

– Да потому не догоним, что он, наверное, на вертолёт улетел, – брат удивлённо уставился на меня, пытается переварить мою шутку.

– Посмотри сюда, – продолжаю я, показывая на следы. – Ты тут, конечно, потоптался маленько, но всё равно можно разобраться, если присмотреться. Вот он шёл, вот стоял за кустом, наблюдал. А дальше куда он делся? Нету дальше следа. Ни вперёд, ни влево, ни вправо. И, главное, обратного следа тоже нет.

– Точно, нет, – Валера внимательно смотрит на следы, на меня, на вырубку и не может сдержать удивления. – Твою дивизию! Во фокус. Куда ты делся, мужик? Эге-е!

Дурачась, покричал он куда-то вверх, вдогонку вертолёту.

Возникшая загадка будоражила, требовала немедленного ответа, но она же и подсказывала: решение где-то рядом. Что-то я упускаю.

Я рванул вдоль следов до того места, где мужик повернул ко мне. Вот он шёл по распадку с запада на восток. Вот круто повернул, и следы повели к вырубке. Но ведь точно такие же идут дальше по распадку. Как будто мужик этот и не сворачивал никуда, а так прямо и шёл. Хотя именно в этом месте ровная цепочка следов сбита. Он здесь потоптался. Ну это понятно – раздумывал, поворачивать ко мне или нет. А вот почему и каким образом вывалились из цепочки влево два следа да так и остались – ни к селу ни к городу? Непонятно. Чувствую, что разгадка где-то рядом... В который раз вглядываюсь в уходящий по распадку след и вдруг замечаю то, что раньше не замечал. То, что ускользало от моего внимания. Поперёк распадка лежала лесина, покрытая толстой снежной периной.

В том месте, где мужик переходил валежину, он смахнул с неё снег. Ничего в этом особенного нет, всё как обычно. Необычно то, как он его смахнул. Было ощущение, что, перебираясь через лесину, мужик присел и смёл снег задом. В голове промелькнула догадка: «Так это же...» И как-то всё стало складываться – да так всё к месту, так логично: одно к одному! Конечно, надо ещё проверить. Но всё равно «жить стало лучше, жизнь стала веселее»!

– Валера, иди сюда! – на радостях закричал я. Видимо, он в моём голосе, в интонации услышал то, что его моментально принесло ко мне.

– Ну что, Ефимыч, рассказывай, чего нашёл. Понял, куда мужик девался? Не на вертолёте улетел? Ну не томи, я же вижу, что-то уже придумал, – насаждает он на меня.

Но я не могу сразу так взять и сказать! Это было бы слишком просто...

– Значит, так. Мне тут пришла мыслишка, но надо её проверить. Я попрошу тебя сделать одну штуку.

– Да ладно тебе, говори, что надо... Чего воду в ступе толочь? Сделаю, – я видел, брату не терпится узнать, до чего там я докопался.

– Валера, вот следы, – я показываю на цепочку следов в распадке. – Можешь пройти по ним так, чтобы твоя нога абсолютно точно попадала в след мужика? Ты понял меня?

– Да понял, что тут не понять, но ты же сам орал, чтобы я следы не топтал. Чего-то я не врубаюсь. Шутишь, что ли? – Валера стоит в нерешительности. Я вижу, что просьба моя ему непонятна.

– Валер, я не шучу. Сделай, я потом объясню. Давай-давай, не сомневайся. Я думаю, тебе и объяснять не придётся, сам всё поймёшь.

Валера наконец решается, идёт по следу, пытается, как я и просил, ноги ставить точно в следы. И вдруг начинает вопить!

– Да как он ходит! Что за придурок этот мужик? Косолапый какой-то. Ефимыч, ты понимаешь, просто невозможно идти

Я слушал причитания брата... И от его возмущения, его ругани, от проклятий в адрес придурка-мужика всё во мне ликовало! Догадка моя подтвердилась! Всё просто как дважды два.

– Валер, так что ты там говорил? Косолапый, говоришь, мужик? Да ещё и в валенках, – кричу я ему вдогонку.

Валера останавливается, поворачивается ко мне. Я не могу сдержаться и начинаю хохотать. Он сообразил: дальше идти не надо. Он уже пришёл.

– Ну, теперь ты понял, что за мужик тут шастал, придурок ко-со-ла-пый? – последнее слово я произношу практически по слогам. Валера застыл, будто его шарахнули по голове. Ему надо переварить услышанное. Осознать. Наконец его проняло.

– Медведь! Это же медведь ходил! Твою мать! А я иду, и нога никак не попадает. Ну неудобно же идти, ноги можно переломать!

Валера завёлся и всё рассказывает, как он шёл по следу, как ноги выворачивал. Мы оба взбудоражены. Бурно обсуждаем происшествие.

– Так ты понял, брат, для кого сегодня я на пеньке исполнял «Сибирскую рапсодию»?

– Да, Ефимыч, можешь гордиться! Такое счастье привалило. Самому Потапычу концерт показывал!

– Правда, ушёл с концерта, подлец, самым позорным образом. По-английски. Ни тебе «спасибо», ни тебе «до свидания». Ни цветов, ни оваций. Невежа, – жалуюсь я брательнику.

– Да-а-а, именно что невежа! – подхватывает он, – и слинял он, скажу я тебе, как-то не по-людски-и-и!

– Именно не по-людски! Это ты, брат, правильно подметил, в точку попал! – подхватываю я замечание брательника.

– Да я тебе больше скажу, – гордый от похвалы, продолжает Валера, – ведь он не просто ушёл, э-э-э, нет! Он втихую слинял, как последний фраер! Да как ушло всё провернул! Что мы с тобой, два толковых мужика, потом концов найти не могли! На голубом вертолёте он, понимаешь, улетел!

И оттого, что бродяга Михайло Потапович нас одурачил, и оттого, что мы его обман раскрыли, и оттого, что всё прояснилось и никаких вопросов не осталось, – от всего этого нам почему-то стало очень весело!

Мы валяли дурака, шутили и громко гоготали от своих же шуток. Даже Азунька разыгралась. Она носилась как сумасшедшая то туда, то сюда, то прыгала козочкой, то налетала на нас и игриво цапала за ноги – в общем, наша толковая рабочая собака вела себя как последняя дворняга! Это было здорово!

И уже поздним вечером, после ужина, когда мы завалились на нары и в дрёме сами собой всплывали события дня, Валера вдруг спросил:

– Ефимыч, так всё-таки куда делся медведь, когда мы его следы потеряли? Объясни ты мне тёмному? Ты сам-то разобрался? Не на вертолёте же он улетел, – видать, не только мне не давали уснуть воспоминания о сегодняшних событиях.

– Да всё просто. Видишь, он когда за мной наблюдал из-за куста, то сообразил, что не зайчонка орёт благим матом, а мужик с двустволкой сидит на пеньке и дудит в манок: приглашает, так сказать, всех желающих к столу – пожить «на шару». Таким образом обман был раскрыт. Михайло Потапыч понял: надо уносить ноги! И пошёл пятиться назад, аккуратно ступая в свои же следы. В общем, на обман ответил обманом: ушёл и обвёл нас вокруг пальца. А мы всё гадали, куда же делся мужик в валенках.

– Я вот думаю: а как он попадает в свои следы, у него же на заднице глаз нету? – то ли спрашивал, то ли вслух размышлял Валера.

– Да как-то попадает. Природа. А как машинистка печатает, на клавиатуру не смотрит, а в буквы попадает? Да, правду сказать, он когда пятился, то немного свои следы раздербанил. Можно было заметить, что они немного больше остальных. Да я с самого начала заметил, но как-то сразу отвлёкся на другое.

– Ефимыч, а как получилось, что мы с тобой лопухнулись? Сразу не распознали его след? Ну я-то ладно – я лапоть. А ты ведь вроде как таёжник?

– Да, лопухнулись. И на старуху бывает проруха. В тайге всякое бывает. На то она и тайга. Но ведь разобрались. А тут, видишь, многое сошлось не в нашу пользу, так сказать. Но самое главное, следа нормального мы не видели. Снег сыпучий, отпечатка не даёт. Ты ведь почему-то решил, что мужик в валенках? Потому что отпечатка подошвы сапога не увидел.

– Да, Ефимыч, так и было. Не было никакого отпечатка, я и решил, что он в валенках, – Валера подтвердил сказанное мной, но говорил уже как-то лениво, сквозь сон.

– И получается – на снегу одни лунки, да и те присыпаны снежком, – продолжил я свои объяснения. – Целый день сверху понемногу подсыпает... Я и говорю, всё как-то одно к одному. Да и никак не ожидал я мишку увидеть после того, как снег лёг. Обычно ложится он по чернотропу, до выпадения снега. След его на снегу редко встречается, разве что весной, на нерастаявших клочках.

Я продолжал говорить... Валера подозрительно молчал. Я тоже замолк. Наступила пауза. Валера посапывал во сне. Затем он заворочался, что-то пробормотал и захрапел. Под нами спросонку зарычала Азуня. Я ещё какое-то время прокручивал в памяти произошедшие события, но усталость взяла своё. И я отключился.

Назавтра с утра Валера объявил, что ему надо уезжать. Я отговаривать не стал. Мы позавтракали супом с рябчиками – вчера из-за усталости возиться не захотели – и все вместе отправились к тракту, где водители лесовозов в те годы охотно брали попутчиков. Валера, правда, духарился, всё говорил, что и сам дойдёт, но мы с Азуней решили его проводить.